

ЕКАТЕРИНА КОВАЧ
(Печ, Венгрия)

**Феномен «человека советского» в зеркале монографии
«Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra»¹**

В начале 2021 года вышла в свет монография «Человек советский: за и против=Homo soveticus: pro et contra», изданная Уральским университетом в Екатеринбурге. Настоящая монография представляет собой коллективный труд ученых из России, Венгрии, Польши, объединенных общим политическим прошлым.

Данный коллективный труд – взгляд на советскую эпоху по прошествии тридцати лет после распада СССР. Довольно значительный временной промежуток позволяет несколько отстраниться от прошедшей эпохи и взглянуть на нее по-новому, более обобщенно, с точки зрения уже других социально-политических, экономических и культурных условий. Основная цель этой монографии – показать «человека советского» с разных позиций его понимания и изучения. В монографии представлено видение советского человека и советской действительности русскими эмигрантами и носителями венгерской, польской и чешской культуры.

Каким был советский человек? Дать однозначный ответ на этот вопрос, вероятно, невозможно, поскольку «человек советский» – явление неоднозначное и нестатичное, вызывающее разнообразные мнения и оценки среди исследователей. Учитывая сложную природу данного феномена, авторы монографии – историки, филологи, философы, культурологи, социологи – рассматривают «человека советского» как многогранное социо- и психокультурное явление.

Изучение феномена «человека советского» строится на большом количестве разнообразного материала: исторических документах, прессе, фильмографии, художественной и мемуарной литературе, личной переписке. Новый свет на феномен Homo soveticus проливают и недавно рассекреченные и опубликованные материалы советского периода. Все это позволяет показать авторам монографии «человека советского» в разных аспектах: идеологическом, ценностном, экономическом, социальном, культурном, бытовом.

¹ Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra: монография / В.М. Амиров, В.И. Бортник [и др.]; под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 412 с.

Монография состоит из пяти разделов. Первый раздел «Формирование советского человека: идейное, экономическое, культурное» содержит рассуждения о том, какие факторы влияли на становление идентичности «человека советского». В главе «Размышляя о советском человеке» дается общее представление о человеке данного типа, который «родился в горниле революции, интервенции и Гражданской войны» и был сначала рабочим и красноармейцем, позже стал трудящимся, а затем просто обывателем. Он считал главной ценностью труд, искренне верил в равенство, в построение лучшего общества, испытывал уважение к власти и одновременно боялся ее.

Основы создания человека такого типа представлены в главе «Формирование «человека советского»: эволюция теоретических подходов большевистского руководства (1900 – 1930-е годы)». Именно Ленин обосновал применительно к российским условиям задачу создания нового человека, разделяющего социалистические/коммунистические ценности, активно участвующего в государственных делах, придерживающегося коммунистической морали. Методы формирования «нового человека» реализовывались в системе образования, в политическом воспитании, в новой культуре, а также в создании образов героев, совершающих трудовые и боевые подвиги. Помимо идеологической и политической составляющей в формировании *Homo soveticus* существенным был и экономический фактор. Так, в главе «*Homo economicus* & *Homo soveticus*: теоретические конструкции в практиках экономического поведения советского человека» говорится о том, что одним из существенных факторов, предопределившим экономическое поведение человека в СССР, стала задача преодоления общественного разделения труда как тенденции, порождающей классовое неравенство. Созданные новой властью экономические условия повлияли на поведение *Homo soveticus*.

В советский период огромную роль играли пресса и литература как инструменты воздействия на сознание человека. В главе «„Милитарное” сознание советского человека и его отражение в предвоенном советском дискурсе» автор показывает, как с помощью публикаций, содержащих пропагандистские концепты о силе и непобедимости Красной армии, должна была создаваться уверенность в великодержавности СССР. Глава «Становление культурной идентичности советского человека: молодежные литературные группировки Екатеринбурга/Свердловска 1920-х годов» делает акцент на том, что в литературу должен был войти новый писатель, пролетарий, не имеющий индивидуального художественного сознания и сотрудничающий с властью, что тем самым давало возможность государству направлять творческий процесс в нужное ему русло.

«Новый человек» должен был быть атеистом, поэтому большое внимание уделялось атеистической пропаганде, о чем говорится в главе

«Советское государство и церковь в борьбе за человека». Церковь уничтожалась как орган, легитимизирующий царскую власть и стоящий на пути прогресса, а против верующих проводилась серьезная репрессивная политика до начала 40-х годов.

Второй раздел «Повседневные практики советской жизни» описывает будни «человека советского» на основе различных источников. Весьма скромный, порой даже убогий советский быт запечатлен литературой, всегда живо откликающейся на изменения в обществе. Критика натуралистического изображения советского бытоустройства (коммунальной квартиры, семейных отношений, венерических заболеваний) представлена в главе «Советский быт в рассказе В. Зазубрина „Общежитие” и его оценка критикой в 1920-х годов». В главе «Советская повседневность, украинско-русский билингвизм и проблема идентичности: взгляд Евгения Водолазкина» на материале романа «Брисбен» представлена жизнь человека, чье детство и юность прошли в условиях советского быта – общежития и коммунальной квартиры как выделенного государством личного пространства. В этой главе также поднимается тема национальной идентичности, ставшей актуальной для многих граждан в связи с распадом СССР.

О неприязнательном бытоустройстве советских граждан говорится и в главе «Ценность вещей в экстремальной повседневности Великой Отечественной войны: личные свидетельства военнослужащих Красной армии». Бережное отношение к имеющимся вещам в условиях дефицита и желание получить новые – факторы, которые толкали бойцов Красной армии в конце Второй мировой войны «ходить по трофеям».

Глава «„Человек советский” в новых названиях улиц Свердловска: пропагандистские практики 1930-х годов» посвящена переименованию улиц в первые десятилетия советской власти. Через такой будничный атрибут, как название улицы, показывалось то, каким должен быть человек советский и чьим идеалам он должен следовать.

Частью повседневной жизни советских людей была и критика системы, которая постепенно становилась более явной. В главе «„И один в поле воин...”: практики сопротивления на волне „оттепели”» описано, как в 1956 г. один из студентов Уральского политехнического института, чье поколение и называют Номо soveticus, открыто высказался о недостатках социалистической системы, в результате чего был исключен из института и комсомола.

Третий раздел «Русское зарубежье о „человеке советском” содержит критическую оценку эмигрантами советской действительности. В главе «Советский человек в эмигрантской прозе Харбина середины 1920-х годов (по материалам газеты „Русское слово”)» дан крайне отрицательный взгляд эмигрантской прессы на советского человека (деградация личности, морального облика, культуры, образования, языка). Схожая позиция представлена в главе «Советский человек эпохи позднего

сталинизма в восприятии современников – российских политэмигрантов». Советский человек 50-х годов был уже мало понятен эмигрантам старшего поколения, формировавшимся в других условиях. Они считали, что советское государство создает мифы, которые являются формой приказа, обязательного к исполнению; ставили вопросы об ответственности народа за существующий в стране режим. Многие эмигранты верили в наличие в СССР социально-политической базы для восстания против власти.

Критика советских порядков отражается и в эмигрантской литературе. Так, в главе «Сюжет возвращения на родину и образы советских людей в прозе Н.Н. Берберовой» через художественный анализ произведений показано скептическое отношение писателя к идее возвращения на родину. Крайнее неприятие советской действительности представлено в главе «„Человек советский” в трактовке писателей Ди-Пи: случай Б.Н. Ширяева». Б.Н. Ширяев, писатель с весьма настораживающей биографией, считал главной задачей «идейную борьбу с большевизмом во всех его проявлениях», поэтому позволял героям своих произведений идти на сделку с фашистами и принимать их режим.

Четвертый раздел «„Человек советский” глазами иностранцев и „человек советский” в иностранном обличии» посвящен неоднозначному восприятию представителями европейской культуры советской реальности. Так, в главе «Два письма: эпизод из биографии Б.Л. Пастернака и венгерского писателя-коммуниста Б. Балажа как индикатор жизни советского человека 1930-х годов» рассказывается о венгерском поэте, коммунисте, эмигранте Б. Балаже, нашедшего свою культурно-духовную почву под Москвой и желающего открыть себе дорогу в советскую литературу. В главе «„Ваш далекий, незнакомый друг”»: дружба по переписке между советскими и венгерскими подростками в 1970-1980-е годы» идет речь о том, как переписка между школьниками, изначально поощряемая властью и контролируемая учителями, превратилась в интересную, занимательную деятельность.

Высокой оценки в глазах иностранцев заслуживало советское образование, культ труда и науки, что представлено в главах «Образование и воспитание Soviet Man: взгляд иностранных наблюдателей» и «„Человек советский» глазами польского писателя А. Слонимского „Мое путешествие в Россию”». Однако сам социализм вызывал сомнения у иностранцев. Насаждение идеологии воспринималось как существенный недостаток системы.

Не совсем однозначна оценка социалистической реальности и чешского писателя М. Вивега, данная в главе «Homo soveticus по-чешски: постсоветская рефлексия в романе М. Вивега „Лучшие годы – псу под хвост”». Автор романа показывает несоответствие между действительностью и идеологией, а чешский вариант «человека советского»

оказывается достаточно эфемерным, поскольку социалистическая система так и осталась для чехов чужой.

Пятый раздел «„Человек советский” в сравнительной парадигме» фокусируется на соотношении советского и несоветского миропонимания. В главе «Феноменология советского человека в „Дневнике” М. Пришвина 1930-х годов» говорится о ключевых установках советского идеологизированного сознания, наблюдаемых и оцениваемых М. Пришвиным как человеком Серебряного века.

Противопоставление «советского» и «несоветского» эволюционировало на протяжении всего периода СССР. В главе «Соотношение понятий „русское” и „советское” в самосознании и аксиологии советских нонконформистов 1960-1970-х годов» говорится о том, что в самосознании нонконформистов в начале «оттепели» эти понятия в аксиологическом аспекте дополняют друг друга: советские ценности осмысливаются как наднациональные и базируются на ценностях русской и мировой культуры. Однако в 1970-е гг. эти понятия уже интерпретируются как бинарная оппозиция.

Соотношение «советского» и «несоветского» также находит воплощение и в образах литературных героев. В главе «Советский человек в типологическом ряду героев Л. Улицкой: роман „Лестница Якова”» дан анализ героев с позиции их ментальных доминант – культурной и советской.

Последняя глава «Номо soveticus и Номо postsoveticus: модели счастья в русской литературе» ставит в центр внимания понимание счастья в советской и современной литературе. В советской литературе счастье представлялось как имеющее общественный, а не личный характер. В современной литературе нет единства в понимании счастья: интерпретация счастья зависит от принадлежности автора к элитарной или массовой культуре.

На страницах монографии наряду с проблемой формирования человека «нового типа» поднимается и тема становления нового типа женщины – советской женщины. Образ советской женщины так же, как Номо soveticus, противоречив и изменчив. В новом, формирующемся мире женщина должна реализовываться в производственной и общественной сферах, заниматься семьей и воспитывать детей в духе советской идеологии. Она должна быть верным товарищем, другом, а ее гендерные особенности должны нивелироваться в общественном поведении. В связи с этими требованиями параллельно встают вопросы о разрушении женского начала и материнства, социальной незащищенности женщин. Своеобразным итогом эволюции становится превращение женщины в соперника мужчине.

Монография заканчивается размышлениями студентов о феномене Номо soveticus. В ответах студентов, родившихся и выросших уже в постсоветское время, так же, как и в суждениях авторов этой монографии, нет

единства мнений. Это еще раз доказывает сложность изучаемого явления. В заключение следует отметить, что каждая книга является выражением своего времени, думается, что по прошествии нескольких лет феномен Homo soveticus может получить и другие интерпретации.